

DALLA PROVINCIA REMOTA
RIFLESSIONI SU TESTI DELLA CULTURA RUSSA
DAL XVIII AL XXI SECOLO

A cura di
CLAUDIA SCANDURA e ORNELLA DISCACCIATI

Edizioni Nuova Cultura

Copia Saggio per Autore
20/05/16 Olga Frolova
ESTRATTO

Copia Saggio per Autore
20/05/16 Olga Frolova
ESTRATTO

Copia Saggio per Autore
20/05/16 Olga Frolova
ESTRATTO

Copia Saggio per Autore
20/05/16 Olga Erolova
ESTRATTO

DALLA PROVINCIA REMOTA

RIFLESSIONI SU TESTI DELLA CULTURA RUSSA

DAL XVIII AL XXI SECOLO

ИЗ ГЛУХОЙ ПРОВИНЦИИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ТЕКСТАМИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

XVIII-XXI ВВ.

FROM THE DEPTHS OF THE COUNTRY

REFLECTIONS ON TEXTS OF RUSSIAN CULTURE

FROM THE 18TH TO THE 21ST CENTURY

A cura di

CLAUDIA SCANDURA e ORNELLA DISCACCIATI

Edizioni Nuova Cultura

Itinerario nel meraviglioso. Studi di cultura russa

Responsabili Scientifici

Claudia Scandura, *Sapienza Università di Roma*

Ornella Discacciati, *Università degli Studi della Tuscia*

La collana si avvale della procedura di valutazione
e accettazione *double blind peer review*.

Questo volume è stato stampato con il contributo di:
Dipartimento di Studi Europei, Americani e Interculturali

Copyright © 2016 Edizioni Nuova Cultura - Roma

ISBN: 9788868126162

DOI: 10.4458/6162

Copertina: a cura di Luigi Novelli

Composizione grafica: a cura di Emilio Mari

Questo libro è stampato su carta FSC amica delle foreste. Il logo FSC identifica prodotti che contengono carta proveniente da foreste gestite secondo i rigorosi standard ambientali, economici e sociali definiti dal Forest Stewardship Council

È vietata la riproduzione non autorizzata, anche parziale,
realizzata con qualsiasi mezzo, compresa la fotocopia,
anche ad uso interno o didattico.

Indice

- 7 In luogo di una prefazione
CLAUDIA SCANDURA e ORNELLA DISCACCIATI
- 9 ROSANNA CASARI
L'Oltre Volga e Mosca: eremi e mercanti vecchio-credenti
nella provincia russa di Mel'nikov-Pečerskij
- 19 ORNELLA DISCACCIATI
At the City Gates – Roman Senchin's Hell
- 37 ОЛЬГА ФРОЛОВА
Образ провинции у Андрея Платонова (на материале рассказов 1920-х гг.)
- 53 АНАСТАСИЯ КОНДРАШЁВА
Александр Дмитриевич Агафи – баснописец из Астрахани
- 63 ANNE LOUNSBERY
Turgenev's Cosmopolitans Come Home
- 77 ЭМИЛИО МАРИ
Пороги и третьи ландшафты. С целью исследования (пара)текста
русской провинции

- 95 KATHLEEN PARTHÉ
The Afterlife of Russian Village Prose: A View from 2015
- 107 УГО ПЕРСИ
Образ русской провинции в «Повести о рождении моем, происхождении и всей жизни, написанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в авгксте месяце, на 25-ом году от рождения моего» князя Ивана М. Долгорукова: конец XVIII – начало XIX века
- 117 MARIA CHIARA PESENTI
Rigore/vs/libertà: il foglio volante nella provincia russa tra Settecento e Ottocento
- 145 АНДРЕЙ ПОЛОНСКИЙ, ВАЛЕНТИНА ГЛУШКОВА
Долгая память провинции (на материале творчества писателя Евгения Дубровина и графика Станислава Косенкова)
- 153 КЛАУДИЯ СКАНДУРА
Деревня как остров доброты в романе Тимура Кибирова «Лада, или Радость. Хроника верной и счастливой любви»
- 163 ОЛЬГА ТРУХАНОВА
Русская провинция как *modus vivendi*
- 175 ДМИТРИЙ ЗАМЯТИН
Миф и антимиф России: изображение пространства в русской культуре и литературе

Образ провинции у Андрея Платонова
(на материале рассказов 1920-х гг.)

ОЛЬГА ФРОЛОВА

Термин *провинция* многозначен. Словари отмечают это слово в значении 'административная единица, губерния, область', уже в XVIII в. (Вейсманнов Лексикон 1731, Нордстет словарь 1782). Подробный анализ лексикографических фиксаций слова дан Л. О. Зайонц: «Слово *провинция* попадает в Россию в конце XVII в. как калька с польского *provincia*, т.е., *воеводство, губерния*», первое официальное употребление относится к концу XVII в., когда оно зафиксировано в договоре от 16 апреля 1698 г. между Петром I и маркизом Кармартеном» (Зайонц 2006: 70). Л. О. Зайонц полагает, что иерархические отношения столицы и провинции в России восходят к реформам административной системы Петра I 1719-1727 г. С упразднением территориального статуса провинции в 1775 г., основной единицей административного деления России становится губерния с этого времени слово *провинция* активно формирует оценочные коннотации.

У В. И. Даля (III: 472) в толковании задана оппозиция *столица / не столица*, слово *провинция* объясняется как «губерния, область, округ; уезд. *Жить в провинции, не в столице, в губернии, уезде*». Многозначность слова отражено в XX в. в словаре Д. Н. Ушакова: «(лат. *provincia*). 1. В древнем Риме — завоеванная римлянами область (*истор.*). 2. Область, административная единица в нек-рых государствах. ... || Административная единица, подразделение губернии в России 18 века (*истор.*). 3. Местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупных культурных центров, вообще — территория страны в отличие от столиц» (Ушаков III: 902-903). В Большом академическом словаре также отмечено фигуративное значение: «*Устар.* Местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупного культурного центра, города. || *Устар.* Употребляется как символ косности, отсталости» (БАС XI: 965-966). Современный словарь сопровождает переносное значение пометой *разговорное*: «2. Отдалённая от столицы, центра местность; периферия. ... 3. *Разг.* О проявлении провинциальности в ком, чём-л. (БТС 2002: 1001). От слова *провинция* образованы абстрактные существительные

провинциальность и провинциализм. Значение последнего современный словарь объясняет так: «1. Привычки и взгляды, присущие жителям провинции (2 зн.). 2. Пренебр. Ограниченность интересов, узость кругозора (БТС 2002: 1001).

Изучение феномена провинции предполагает несколько аспектов: социологический (Шмерлина 2007), культурологический (Белоусов 2004; Геопанорама 2004; Зайонц 2006; Провинция 2000; Провинция 2001; Русская провинция 2000), литературоведческий (Бахтин 1975; Козлов 2013; Эртнер 2006) и лингвистический (Архарова 2008; Зайонц 2001). Феномен провинции может рассматриваться в синхронном (Шмерлина 2007) и историческом планах (Зайонц 2006), на примере одной культуры или же в сопоставительном аспекте (Русская провинция 2000; Архарова 2008; Шурупова 2014).

Мы считаем важным разделить *провинцию* как концепт и *провинцию* как текст. Концепт предполагает выделение дифференциальных признаков объекта, отраженных в семантике лексической единицы и в сознании носителя языка¹. Концепт принадлежит языку, отраженному в сознании, описывается как совокупность постоянных признаков, оценочные коннотации системны, устойчивы и имперсональны. Что же касается локальных пространственных текстов, они представляют собой разворачивающиеся сюжеты, составленные из цепочек ситуаций, оценка в этом случае принадлежит субъекту.

Социологический опрос, проведенный И. Шмерлиной (2007), позволил определить современные критерии провинции: 1) оппозиция *провинция/ центр*: удаленность от крупных городов, от столицы, вся Россия кроме Москвы; 2) урбанистический критерий: между городом и селом; 3) ресурсный критерий: обделенность провинции культурными, социальными и материальными благами; 4) формальные критерии: масштаб; 5) остенсивные определения: *там, где я живу*; 6) романтические определения: там, где жизнь спокойная.

А. В. Архарова (2008: 18, 19), исследовавшая концепт *провинция* в русском и английском языках, пришла к выводу о том, что оба концепта отрицательно окрашены, но русский имеет более выраженную негативную оценку. Синонимы слова *провинция* в русском языке — *периферия, глубинка, глушь, захолустье, глухомань, медвежий угол, дыра, трущоба*. Как полагает автор, *провинция* в русском языке — символ отсталости, ограниченности и застоя. При анализе реакций респондентов и употреблений в речи автор пришла к выводу о том, что концепт

¹ В когнитивной лингвистике пока нет единства в толковании семантики данного термина (см. Демьянков 2007; Кубрякова 1996; Попова & Стернин 2010; Степанов 1997; Шведова 2007; Rosh 1975).

провинция имеет полевою структуру: ядро, ближнюю и дальнюю периферию. Ядро — населенный пункт; ближняя периферия — маленькая, далекая, неразвитая, территория, удаленная от столицы, от центра, от больших городов, глухая провинция; дальняя периферия — малонаселенная, все друг друга знают, уединенное место, мало магазинов, занимаются торговлей, живут дружелюбные люди, хорошая, безопасная; крайняя периферия — туда неохотно едут, труднодоступная, чистая, эти места не хочется видеть, там нет асфальта на тротуарах, там живут честные люди.

Осмысление провинции в литературоведении основывается на работах М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова. Ю. М. Лотман (1988, 1994) показал сложное, исторически изменчивое, устройство русской жизни в столицах и малых городах. В. Н. Топоров интерпретировал основы *петербургского текста*, модель взаимодействия природного и культурного послужила стимулом для построения локальных текстов (Топоров 1995; Геопанорама 2004). М. М. Бахтин описал сюжетный потенциал провинциального города как идиллии и глуши: «Провинциальный мещанский городок с его затхлым бытом — чрезвычайно распространенное место свершения романских событий в XIX веке... Этот городок имеет несколько разновидностей, в том числе и очень важную — идиллическую... [...] Такой городок — место циклического бытового времени» (Бахтин 1975: 396). Бахтинский подход получил продолжение: провинция влияет на самоидентификацию персонажа (Эртнер 2006) и порождает специфический набор сюжетов (Козлов 2013).

Культурологический подход к изучению провинции синтетичен: он объединяет собственно интерпретацию провинции как концепта и провинциальности как модели жизнеустройства (Геопанорама 2004; Провинция 2000; Русская провинция 2000).

Разделяя концепт и текст, отметим, что характеристика провинции как глуши относится к концепту и отражена в словарях, а восприятие провинции как идиллии реализуется в провинциальном тексте. Концепт задан оппозициями *центр / периферия, столица / не столица, столица / не столичный город / деревня*.

Пространственная и культурная оппозиция *столица / провинция*, с нашей точки зрения, связана с наличием или отсутствием топонима. О безымянности провинции как о типичном локусе убедительно писал А. Ф. Белоусов (2004: 457): «Отсутствует имя, которое индивидуализирует город, делает его единичным и уникальным. Лишенный имени, он представляет некое множество однородных

объектов». Локальный же текст, определяемый реальным топонимом, предполагает не типичность, а уникальность. Провинция как социальное явление ориентирована на столицу, воспринимаемую в качестве образца и в этой ориентации одинакова.

Описание границ провинции требует определения статуса деревни. Мы обратились к Национальному корпусу русского языка и сформировали поисковый запрос, касающийся сопоставления *провинции* и *деревни*. Было обнаружено 16 текстов и 17 вхождений, свидетельствующих о том, что для авторов между данными объектами нет отношений включения.

(1) Политические партии только «морочат провинцию и деревню», а их борьба гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев Бога». [Рой Медведев. Долгий путь домой. Солженицын и перестройка (2002)] (НКРЯ).

(2) Теперь Дракин везде: и на улице, и в театрах, и в ресторанах, и в столице, и в провинции, и в деревне — и не только не ежится, но везде распоряжается как у себя дома. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872)] (НКРЯ).

Как видно из примеров (1, 2), в начале XXI и в XIX в. провинция мыслится независимо от деревни. Однако следует заметить, что статус деревни в различные исторические эпохи не одинаков. Чем индустриальнее государство, тем более приближена деревня к городу и включена в состав провинции.

Следует заметить, что состав провинции исторически изменчив. В советскую эпоху, как показала Л. О. Зайонц (2006), провинцию называют *периферией*.

Мы будем исходить из того, что провинция входит в сложную трехчленную оппозицию *столица / провинция / деревня*. В столице время линейно и динамично, в провинции и в деревне циклично, но в провинции это получает отрицательную оценку, а в деревне положительную, поскольку определяется природными ритмами.

Следует сказать, что чем сильнее и централизованнее власть, тем обширнее провинция в государстве, и чем сильнее федерализация, тем меньше провинции, нестоличные города представлены разнообразными локальными текстами.

Наша цель – показать образ провинции на материале рассказов Андрея Платонова 1920-х гг.: «Государственный житель», «Усомнившийся Макар», «Отмежевавшийся Макар», «Сергея и я», «Дикое место». Мы намереемся определить типы провинциальных сюжетов: *идиллический / мещанский*, описать типы персонажей, показать систему сюжетных мотивов.

Употребление слов *провинция* и *глушь* в текстах А. Платонова позволяет проследить Национальный корпус русского языка. Слово *провинция* у Платонова встречается в «Чивергуре», «Ювенильном море», записных книжках и «Епифанских шлязах»². Слово *провинция* в прямом значении встречается в 6 документах и 15 контекстах, из них 5 раз употреблено в рассказе «Епифанские шлязы», описывающем петровскую эпоху, слово *провинциальный* — в 4 документах и 5 контекстах. В 7 документах и 22 контекстах, употребляется синоним существительного *провинция* — *глушь*.

(3) Наконец, внезапно распустилась сирень — эта роза русской **провинции**, дар скромных палисадов и признак неизбежной **деревенской мечты** (Епифанские шлязы 1927)³.

В примере 3 можно усмотреть близость провинции к деревне как к природной среде и важное отличие провинции от деревни: сирень описывается как мечта, поскольку в качестве украшения избыточна в деревенской жизни.

Методика интерпретации состоит в следующем: а) выявление характера локализации сюжетного действия: выбор номинации, наличие / отсутствие топонима, особенности описания места действия: оппозиция столице; б) оценка локуса: положительная / отрицательная, субъект оценки: повествователь / персонаж; в) определение типа героя и его самоидентификации.

Сначала посмотрим, как вводятся в текстах показатели места действия:

(4) Среди прочих трудящихся масс жили два члена **государства**: нормальный мужик Макар Ганушкин и более выдающийся — товарищ Лев Чумовой, который был наиболее умнейшим **на селе** и, благодаря уму, руководил движением народа вперед, по прямой линии к общему благу (УМ).

(5) После долговременного присутствия в **учреждениях** Макару было скучно присутствовать **в деревне** (ОМ).

(6) Мы шли **с работы**. Около домов на камне лежал белый холодный свет вечерющего дня. И солнце было низко; оно рано уходило **за кирпичные трубы кочегарок**, эти угрожающие пальцы земли. (Сия).

(7) Пожилой человек любил транспорт наравне с кооперативами и перспективой будущего строительства. Утром он закусывал вчерашней мелочью и выходил наблюдать и наслаждаться. Сначала он посещал **вокзал**, преимущественно товарные платформы прибытия грузов, и там был рад накоплению товаров (ГЖ).

(8) В окрестностях одной **тюрьмы** — такой же, как наша, — существовал город, населенный равными людьми. Может быть, равные похожие люди произошли оттого, что тюрьма

² Цитируется по изданию Платонов (2011b).

³ Цитируется по изданию Платонов (2011a).

стояла недалеко и давно разутюжила все неровности. Из таких городов состоит весь мир, поэтому земля не только круглая равнина, но и душевная безотрадность (ДМ).

В примере 4 вначале заданы максимально обобщенные пространственные параметры: *государство*, лишь потом появляется конкретный локус *село*. Противоположная тенденция — в примере 5: сначала введено наименование места службы *учреждение*, затем локус *деревня*. В примере 6 вначале задана метонимическая номинация *работа*, затем более конкретное обозначение места *кочегарка*, но неизвестно, действие происходит в городе или в деревне. В примере 7 вначале описывается вокзал, расположенный в небольшом населенном пункте, о чем читатель узнает позже. Пример 8 устроен аналогично 7-му, так как вначале задан локальный ориентир *тюрьма*, не привязанный к конкретному населенному пункту. В примере 8 присутствуют признаки типичности локуса.

Описания мест, где разворачивается сюжет, тяготеют к цикличному времени, но оцениваются различно: как застой («Государственный житель») или идиллия («Дикое место»).

(9) С удовлетворенным огорчением Петр Евсеевич покинул железнодорожный узел, чтобы посетить ближнюю деревню, под названием Козьма.

В той Козьме жило двадцать четыре двора. Дворы расположились по склонам действующего оврага и уже семьдесят лет терпели такое состояние. Кроме оврага, деревню мучила жажда, а от жажды люди ели плохо и не размножались как следует. **В Козьме не было свежей и утоляющей воды, — имелся небольшой пруд среди деревни, внизу оврага, но у этого пруда плотина была насыпана из навоза, а вода поступала из-под жилья и с дворовых хозяйственных мест.** Весь навоз и мертвые остатки человеческой жизни смывались в ложбину пруда и там отстаивались в желто-коричневый вязкий суп, который не мог служить утоляющей влагой. [...] В старину, говорят, в Козьме было до ста дворов, но теперь нет следов прошлой густоты населения. **Растительные кущи покрыли обжитые места вымороченных усадеб, и под теми кущами нет ни гари, ни плешин от кирпича или извести** (ГЖ).

В рассказе «Государственный житель» переосмысливается природность деревни, которая описана как загнивающая, в прямом и переносном смысле.

Противопоставление природного и урбанистического начала отражено в рассказе «Сергея и я».

(10) **Мы дошли до слободы, где жили, и увидели поле.** Там никого не было, и лес был не за семь верст, а прямо против нас. Он стоял и смотрел на жнивьё, **на каменный город** и на нас.

Я увидел лето и большую белую ослепляющую реку в синих лучах. На песке, на том боку, засыпает соломенная деревня и брешут собаки, и нигде -никого. Только глядит в темное небо откуда-то поздний огонь из окна. Должно, лампадка (СиЯ).

В рассказе «Дикое место» напротив показано соединение природного и городского начал, символом такого соединения явилась сирень (см. пример 3).

(11) Здесь люди не жили, а проживывали жизнь и находили в ней такой же вкус, как и повсеместно. Просто: дан срок, расходуя его не спеша без злобы и напряжения. [...] **Давно это было, но жила та же терпеливая природа и трудилась над рращением сирени, чтобы шло мудрое благоухание в мудрые домики, где люди с медленным сладострастием пили чай и дули воздух в блюдца (ДМ).**

Пространство фабулы соседствует с мечтой персонажа, что свидетельствует о неудовлетворенности героя своим положением.

(12) Дома Петр Евсеевич вынимал старую карту Австро-Венгрии и долгое время рассматривал ее в спокойном созерцании; ему дорога была не Австро-Венгрия, а очерченное границами живое **государство**, некий огороженный и защищенный смысл гражданской жизни.

Под картиной севастопольского сражения, которая украшала теплое, устойчивое жилище Петра Евсеевича, висела популярная **карта единого Советского Союза**. Здесь Петр Евсеевич наблюдал уже более озабоченно: его беспокоила незыблемость линии границ (ГЖ).

(13) Нам обоим надоело вставать по гудку, и мы собирались **бежать на Дон** в кусты жить рыбаками. Мне больше хотелось уйти в пастухи, но и рыбаком быть хорошо, и я согласился (СиЯ).

Оппозиция *столица / провинция* представлена в двух текстах: «Усомнившийся Макар» и «Отмежевавшийся Макар».

(14) Колеса начали действовать, и поезд поехал **в середину государства в Москву**. [...] И Макар тронулся в направлении башен, церквей и грозных сооружений, в город чудес науки и техники, чтобы добывать себе жизнь под золотыми головами храмов и вождей. Сгрузив себя с поезда, Макар пошел на видимую **Москву**, интересуясь **этим центральным городом (УМ)**.

Москва характеризуется как чудесный город, который меняет оценку родной деревни Макара (см. пример 5). Что касается небольших городов, их провинциальный статус не очевиден.

Обратимся к типологии персонажей. Е. А. Яблоков (1994) описывает три типа героев А. Платонова: «естественный» человек с доминированием инстинктивно-«природного», «деятель»-утопист с рационально-волевым и странник с интуитивно-духовным началами.

Макар, герой двух рассказов «Усомнившийся Макар», «Отмежевавшийся Макар», и Сергей из рассказа «Сергея и я» представляют тип естественного человека, Петр Евсеевич, персонаж рассказа «Государственный житель», — деятель-утопист, Матвей Иванович, герой рассказа «Дикое место» объединяет черты деятеля-утописта и странника. Персонажи чувствуют неудовлетворенность своим социальным окружением. На уровне фабулы мотивы, связанные с главным героем: стихийное изобретательство, желание перемены мест, научные исследования, забота о государстве.

В избранных нами рассказах также присутствуют мотивы социально-экономического и номинального преобразования провинциального пространства, уничтожающего его прежнее структурирование.

(15) Петр Евсеевич давно открыл для своей радости, что государство — полезное дело погибшего, а также живущего, но трудящегося населения; **без произведения государства население умирало бы бессмысленно** (ГЖ).

(16) Макар познал в городе пользу научного противоречия, когда среди счастья обязательно организуется небольшое горе. Но в деревне было вполне спокойно, потому что началась достойная жизнь. **Самой деревни, в смысле ее царского устройства, уже не существовало: в ней произошел колхоз** (ОМ).

Пример 16 свидетельствует об изменении представлений о провинции в советское время, поскольку была упразднена деревня, на смену которой пришли колхозы.

Рассказ «Дикое место» стоит особняком. В этом рассказе описывается идиллическое устройство пространства, удаленного от центров цивилизации (см. Фролова 2015). Неизменность его устройства подчеркивается в речи от лица повествователя:

(17) За свою историю, начатую монастырским скитом, город менял три раза свет имя, но далеко от первого названия не уходил. Теперь он назывался Краснозвонск, потому что древний скит был основан на Голубозвонной приовражной горе, В среднее же время — между монастырем и советской властью — город именовался Старозвоиным Кутом (ДМ).

В рассказе присутствует важный для русской литературы XIX в. мотив провинция — источник народной силы. Главный герой ученый Матвей Иванович приезжает в небольшой город, а оттуда отправляется на хутор, исследовать чистоту расового корня.

(18) Таким образом, исследователю расового корня вышел ночлег. И от этого получилась впоследствии густая польза для всего научного дела.

Уже через трое суток ученый человек имел на руках бумагу на дальние хутора Вырвины Ямки — и прогонный документ на подводы,

В бумаге приказывалось старосте в один день представить государственному ученому все взрослое население мужского пола, на предмет научного исследования их детородных членов и надлежащего обмера их.

— Матвей Иванович! — прощался правитель дел с ученым. [...] Ах, наука — проста и великолепна! До чего дошла? У кого детородник больше — у того и кровостой гуще и разум плотней, тому и власть в руку! Ну, ясно, русского мужика никто в этом не превозможет! А возьми ты татарина, возьми ты еврея — мягкие микробы, а не люди! В этом у них металла нет! А у русских — всегда в свежей наличности! Вот смиришь, — сам увидишь! (ДМ).

Суть поисков Матвея Ивановича состоит в том, что сила русского этноса для него определяется величиной мужского детородного органа, массовые этнологические замеры крестьян должны подтвердить эту гипотезу. В рассказе главный герой терпит научный и жизненный крах, поскольку его исследование не поддержано Академией наук, а женившись, он оказывается бездетен и воспитывает приемного сына.

Обращение к Национальному корпусу русского языка позволяет сделать следующее наблюдение: словосочетание *расовый корень*, употребленное Платоновым в рассказе «Дикое место» обнаруживает неожиданные переключки в трудах современника писателя национал-большевика Н. В. Устрялова.

(19) “Общечеловеческий, планетарный патриотизм” не исключает расовых корней и национальных ликов (Устрялов 2010: 422).

(20) Гражданские права должны быть предоставлены только лицам германского расового корня (Volksgenossen, т. е. своекровные, соплеменники) (Устрялов 2012: 15).

(21) Всякая серьезная попытка осуществить эти пункты на деле привела бы к глубочайшему потрясению государства. Ибо где критерий “чистоты расового корня”? Не без основания иронизируют, что ближайшее окружение самого вождя подлежало бы тогда основательной и чуть ли не сплошной чистке; некоторые сомневаются, подошел ли бы и сам он под понятие “соплеменника” (Устрялов 2012: 24).

(22) Лютер, Гете и Бетховен не могут быть причислены к “германскому типу”; Шиллер, Шуман, Лист, Ницше тоже весьма подозрительны по своему “расовому” корню (Устрялов 2012: 24).

У Устрялова данное словосочетание употребляется во множественном и в единственном числе.

Профессиональный и жизненный крах главного героя рассказа «Дикое место» в контексте подобной переключки получает вполне определенную идеологическую интерпретацию и позволяет судить об авторском отношении к идиллическому представлению провинции как источнику национальной силы и мощи.

Выводы:

В рассказах А. Платонова 1920-х г. отразились социальные перемены российской жизни и их авторское понимание. Провинция как глушь в переносном значении представляет собой концепт, провинция как идиллия является частью провинциального текста русской литературы. Экономические преобразования изменяют образ провинции, но восприятие его кардинально не меняется. Персонажи Платонова противопоставляют провинциальной реальности пространство мечты. Провинция предстает у Платонова как периферия, в оппозиции столице, что выражается в мотиве перемещения в пространстве, в желании покинуть родные места. С другой стороны, у Платонова обнаруживается и идиллический мотив *провинция* — источник силы и мощи народа, дискредитируемый в рассказе «Дикое место» на фабульном и интертекстуальном уровнях.

Список сокращений

ГЖ — «Государственный житель»,

УМ — «Усомнившийся Макар»,

ОМ — «Отмежевавшийся Макар»,

СиЯ — «Серега и я»,

ДМ — «Дикое место».

Литература

Словари:

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948-1965.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002.

Вейсманнов лексикон 1731 — Вейсманнов Немецко-латинский и русский лексикон. Пб., 1731.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М.: Русский язык, 1978-1980.

Нордстет — Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом, ч. I, А—Н. СПб., 1780; ч. II, О—Я. СПб., 1782.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под. ред. Д. Н. Ушакова. В 4-х т. М.: «Терра» - «Terra», 1996.

АРХАРОВА А. В.

- 2008 Лексико-фразеологическая объективация концепта «провинция» в русском и английском языках. Автореферат канд. филол. н. Воронеж, 2008.

БАХТИН М. М.

- 1975 Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. с. 234-408.

БЕЛОУСОВ А. Ф.

- 2004 «Символика захолустья» (обозначение российского провинциального городка) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004. с. 457-482.

ГЕОПАНОРАМА

- 2004 Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. Отв. ред. Зайонц Л. О. Сост. Абашев В. В., Белоусов А. Ф., Цивьян Т. В. М., 2004.

ДЕМЬЯНКОВ В. З.

- 2007 Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: Сб. ст. в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. Ляпон М. В. М., 2007. с. 606-622.

ЗАЙОНЦ Л. О.

- 2003 История слова и понятия *провинция* в русской культуре // Russian Literature, Amsterdam, 2003. LIII – II / III. с. 307-330.
- 2006 «Провинция»: опыт историографии // Отечественные записки. Т. 32. М., 2006. с. 70-88.

КОЗЛОВ А. Е.

- 2013 Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века: основные принципы типологии // Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета». 2013. № 1(11). www.vestnik.nspu.ru [дата обращения: 01.05.2015]

КУБРЯКОВА Е. С., ДЕМЬЯНКО В. З., ПАНКРАЦ Ю. Г., ЛУЗИНА Л. Г.
1996 Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

ЛОТМАН Ю. М.

1988 Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. с. 251-292.

1994 Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб., 1994.

ПЛАТОНОВ А. П.

2011a Эфирный тракт. М., 2011.

2011b Усомнившийся Макар. М., 2011.

ПОПОВА З. Д. & СТЕРНИН И. А.

2010 Когнитивная лингвистика. М., 2010. <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/> [дата обращения: 20.08.2015]

ПРОВИНЦИЯ

2000 Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли. Пермские чтения. Круглый стол 4 июля 2000 г. Редколлегия Абашев В. В., Белоусов А. Ф., Цивьян Т. В. М., 2000.

ПРОВИНЦИЯ

2001 Провинция как реальность и объект осмысления. Сост. Белоусов А. Ф., Строганов М. В. Тверь, 2001.

РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ

2000 Русская провинция: миф – текст – реальность. Сост. Белоусов А. Ф., Цивьян Т. В. М. — СПб., 2000.

СТЕПАНОВ Ю. С.

1997 Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

ТОПОРОВ В. Н.
1995 Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. с. 259-367.

УСТРЯЛОВ Н. В.
1933 Германский национал-социализм. Харбин, 1933.
www.magister.msk.ru/library/philos/ustryalov/ustry019.htm [дата обращения: 20.08.2015]
2010 Избр. труды. М., 2010.
2012 Германия в круговороте фашистской свастики. М., 2012.

ФРОЛОВА О. Е.
2015 От слова к сюжету и смыслу («Дикое место» Андрея Платонова) // Поэтика Андрея Платонова. Новые территории, Сост. Е. А. Яблоков. М., 2015. с. 18-30.

ШВЕДОВА Н. Ю.
2005 Русский язык: Избранные работы. М., 2005.

ШМЕРЛИНА И. А.
2007 Что такое провинция? // Социальная реальность. 2007. № 3. с. 30-32.

ШУРУПОВА О. С.
2014 Провинция в русской и английской литературе (городские сверхтексты). Тамбов, 2014.

ЭРТНЕР Е. Н.
2006 Феноменология русской провинции в русской прозе конца XIX – начала XX в. Тюмень, 2006.

ЯБЛОКОВ Е. А.
1994 О типологии персонажей А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 1. М., 1994.

ROSH E.

1975 "Cognitive Representation of Semantic categories", «Journal of Experimental Psychology: General» 104 (1975), n. 3, pp. 192-233.

Copia Saggio per Autore
20/05/16 Olga Frolova
ESTRATTO

Finito di stampare nel mese di aprile 2016
con tecnologia *print on demand*
presso il Centro Stampa "Nuova Cultura"
p.le Aldo Moro, 5 - 00185 Roma
www.nuovacultura.it

Per ordini: ordini@nuovacultura.it
[INT_9788868126162_17X24bn_LN04]